

— Говори!

— Кхе-кхе... кхе...

Ван Ли с трудом перевела дух, подняла голову и посмотрела на мужчину перед собой. Её губы, выкрашенные яркой помадой, растянулись в насмешливой улыбке.

— Деньги? Какие деньги? Разве ты их уже не промотал? Ты, жалкий трус, который может выжить только благодаря тому, что его жена продаёт своё тело...

Слова оборвались на полуслове от звонакой пощёчины. Ли Цян, с покрасневшими глазами и тяжёлым дыханием, сжал кулаки.

— Ну что, язык у тебя стал острее, да? Может, тебе эти богачи так хорошо сделали, что ты забыла, чья ты на самом деле, а?

С этими словами он начал рвать одежду на женщине, продолжая сыпать грязными руганями.

— Я тебе напомню! Напомню, чья ты женщина...

Крики женщины и брань мужчины разносились из этой узкой комнаты, постепенно затихая в воздухе. Никто не вышел, чтобы остановить их. Живя в таком месте, люди уже привыкли ко всему. Все, кто слышал шум, лишь с безразличными лицами продолжали заниматься своими делами.

Три месяца спустя Ван Ли упала в обморок в баре, и её отвезли в больницу. Очнувшись, она узнала, что беременна уже три месяца.

Сжимая в руках тонкий листок с результатами анализов, Ван Ли, бледная и шатающаяся, поймала такси и вернулась в их снимаемую квартиру.

Ли Цян сидел на кровати, закинув ногу на ногу, с бутылкой в руке. Увидев её, он заорал:

— Где ты пропадала, стерва? Я чуть не сдох с голоду, давай быстрее готовь еду!

Ван Ли безразлично посмотрела на него и спустя долгое время произнесла:

— Я беременна. Врач сказал, что срок три месяца.

— Что?!

Бутылка выпала из рук Ли Цяна и разбилась вдребезги.

— Сделай аборт!

Спустя долгое время, придя в себя, он произнёс только эти два слова.

— Ли Цян, ты вообще человек? — Ван Ли смотрела на него, не злясь, лишь слёзы непрерывно текли по её лицу. — Это жизнь, твой ребёнок!

— Мой ребёнок? — Ли Цян усмехнулся. — Ты спишь с кучей мужиков, кто знает, чей он вообще? Даже если он мой, я не позволю тебе его родить! Лучше эти деньги проиграть, может, ещё выиграю...

Ван Ли смотрела на этого человека, и в её глазах читалось лишь разочарование. Она больше не узнавала его.

— Я не сделаю аборт.

— Что? — Ли Цян широко раскрыл глаза. — Повтори!

— Я не сделаю аборт. Я рожу этого ребёнка.

— Отлично! Просто замечательно! — Ли Цян скрежетал зубами. — Ладно, как хочешь, но не жди, что я дам тебе хоть копейку!

С этими словами он в ярости вышел из комнаты.

С тех пор Ли Цян почти не появлялся. Иногда он возвращался, лишь чтобы насмеяться над ней. Ван Ли не обращала на него внимания, заняв денег у друзей из бара, она спокойно осталась дома, чтобы выносить ребёнка.

Семь месяцев спустя на свет появился маленький мальчик. Ван Ли, глядя на ребёнка в пелёнках, который ещё не открыл глаза, впервые почувствовала, что мир может быть прекрасным. Она назвала его Цинчуань.

Постепенно ребёнок подрастал, а деньги у Ван Ли закончились. Но ребёнку нужны были смесь, подгузники... Всё это требовало денег.

В конце концов, Ван Ли не оставалось ничего другого, как вернуться к старому ремеслу. Но, узнав, что она родила ребёнка, богатые клиенты больше не обращались к ней. Ван Ли пришлось ходить из бара в бар, соглашаясь на любые предложения, лишь бы получить деньги.

Когда она уходила на работу, ребёнок оставался дома один. Иногда, когда нечего было есть, он плакал так сильно, что соседи, сжалившись, взламывали дверь и кормили его смесью или рисовым отваром.

Так, с помощью соседей, маленький Цинчуань потихоньку рос.

К двум годам Цинчуань уже умел ползать и ходить. Боясь, что он потеряется, Ван Ли перед уходом оставляла на столе хлеб, не задумываясь, сможет ли он его съесть, и запирала дверь.

В те годы Цинчуань был худым и бледным, страдая от сильного недоедания. Но, несмотря на плохое здоровье, его хотя бы не били.

Однако, когда Ли Цян вернулся, всё изменилось.

Цинчуань был ещё мал, но он инстинктивно ненавидел этого мужчину, который называл себя его отцом, из-за его злобного взгляда и вечного запаха алкоголя.

Каждый раз, когда отец был дома, Цинчуань получал побои. Это был урок, который он усвоил за два года. Поэтому, как только отец возвращался, он прятался — под кроватью, за дверью... Но его всегда находили, и тогда начиналась расправа — сигареты, ремень... Чем сильнее плакал Цинчуань, тем яростнее бил его Ли Цян.

Днём Ли Цян редко бывал дома, и в это время Цинчуань мог немного расслабиться. Хлеба, который оставляла ему мать, не хватало, и иногда, когда голод становился невыносимым, четырёхлетний Цинчуань вылезал через окно и искал еду в мусорных баках. Несколько раз его

застукала мать, вернувшаяся домой в обед. Она жестоко избивала его и оставляла без еды на целый день.

Четырёхлетний Цинчуань не понимал, почему родители не любят его. Иногда, когда он тайком выходил на улицу, он видел, как другие дети катаются на плечах у своих отцов, а матери смеются и играют с ними. Но у него никогда не было такого. Никогда он не катался на плечах отца, и мать никогда не улыбалась ему. У других детей были друзья, а он всегда был один. Никто не хотел с ним играть. Он не понимал, почему, но не чувствовал себя несчастным. До тех пор, пока однажды мать не привела домой толстого дядю. Тот дал ему конфету и велел называть его отцом. Цинчуань отказался и получил пощёчину. Боль... Это было единственное, что он чувствовал в тот момент. Дядя назвал его ублюдком и ударил его. Мать, чтобы защитить его, была раздета дядей и прижата к полу. Слушая крики матери, Цинчуань впервые почувствовал себя несчастным.

С тех пор мать каждый день приводила домой разных дядьёв — высоких, низких, толстых, худых. А ещё несколько дедушек.

Каждый раз, когда мать приводила кого-то, Цинчуань убежал. Если ему не удавалось убежать, он садился в угол, закрывал глаза и затыкал уши, чтобы не видеть и не слышать. Так ему становилось немного легче.

Ли Цян обычно возвращался поздно ночью. Если он встречал Ван Ли, начиналась ссора, и в итоге страдал только Цинчуань.

В ту зиму, когда Цинчуаню было четыре года, стоял такой холод, что казалось, кости выпадут из тела. На крыше висели прозрачные сосульки, отражая слабый свет фонарей. Ли Цян и Ван Ли снова поссорились, и Цинчуань был выгнан за дверь.

На улице выл ледяной ветер. Цинчуань, одетый в тонкую одежду, плакал и кричал, его красные и грязные руки стучали в дверь, умоляя родителей впустить его. Но никто не открыл. В конце концов, Цинчуань потерял сознание от холода.

Когда Ван Ли обнаружила его, у него была высокая температура. Она поспешно отвезла его в больницу. Температура поднялась до сорока градусов, и он превратился в умственно отсталого. Даже после выздоровления его интеллект остался на уровне десятилетнего ребёнка.

С тех пор у Цинчуаня появилось новое прозвище — дурачок.

Но судьба приготовила ему ещё больше испытаний. Ван Ли на одной из вечеринок попробовала наркотики, и с этого момента её жизнь пошла под откос. Когда Цинчуаню было шесть лет, она, не выдержав мук ломки, перерезала себе горло ржавым кухонным ножом, умерев на месте. Цинчуань видел, как его мать умирала перед его глазами, и это стало для него шоком. Он перестал говорить и дрожал при виде людей.

Полиция забрала тело Ван Ли. Ли Цян стоял у двери, выкуривая сигарету за сигаретой. Его лицо было мрачным, а холодный взгляд блуждал по углу, где сидел мальчик, дрожащий и обхвативший колени.

Три дня спустя в городе Z была арестована группа торговцев органами, и единственным выжившим мальчиком оказался Цинчуань.

Полиция выяснила, что отец мальчика уже был в тюрьме за неуплату долгов и грабёж, а мать была мертва, и именно они забрали её тело.

<http://bllate.org/book/16707/1535290>